

УДК 811.111:34

**ТРАНСФЕР ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАРРАТИВ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРАКТИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО РОМАНА И. МАКБЮЭН
«ЗАКОН О ДЕТЯХ»)**

Рябова И. Ю.

*ФГБОУ ВПО «Уральский государственный юридический университет»,
г. Екатеринбург, Российская Федерация
E-mail: i.y.ryabova_3012@mail.ru*

В настоящей статье рассматривается содержание концепта «благополучие ребенка» в романе «Закон о детях» британского писателя И. Макьюэн в процессе трансфера юридического знания в художественный нарратив. Основополагающим звеном исследования становится значение функций нарратива для социальных целей, подчиненных главной стратегии – транслировать знание закрытой правовой сферы в романский жанр. Трансфер юридического знания в художественный нарратив исследуется с позиций социокультурной практики, имеющей ряд прагматических установок. Автор предлагает компаративистский подход к исследованию социального и вербального контекста гибридного художественно-правового дискурса на основании действующего в Великобритании Закона о детях 1989 года. Ключевой составляющей концепта «благополучие ребенка» является комплекс обязанностей суда как высшего органа судебной власти в обеспечении условий для воспитания и развития полноценной личности ребенка. Концепция исследования художественно-правового дискурса (ХПД) через нарративную модель ХПД позволяет проследить изменения художественной картины мира в сопоставительном аспекте. Методологический инструментарий исследования включает ряд методов: структурно-семантический метод, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ. В ходе исследования сделаны выводы о смысловых трансформациях в гибридном дискурсе и об актуализации имплицитных составляющих социально значимого концепта «благополучие ребенка».

Ключевые слова: художественно-правовой дискурс, нарративная модель художественно-правового дискурса, трансфер юридического знания в художественный нарратив, гибридный дискурс, социокультурная практика, концепт

ВВЕДЕНИЕ

В исследовании поднимается вопрос о значимости нарративного конструирования событий в гибридном художественно-правовом дискурсе (далее ХПД) с целью репрезентации социально значимых ценностей судебной правовой системы на примере концепта «благополучие ребенка». Под нарративным конструированием событий ХПД мы понимаем создание маркированного юридической тематикой романного жанра, смоделированного на основании реальных событий, но интерпретированного с точки зрения консолидации социального и личного, общего и специального знания на уровне отдельной этнической группы. В фокусе внимания находится социально значимый контекст

повествования, репрезентированный как языковыми маркерами юридического дискурса и единицами художественного текста, так и прагматическими установками изучаемого объекта. Исследование предполагает решение следующих задач: 1) определить функционал нарратива художественно-правового дискурса для социальных целей; 2) выявить структуру исследования вербального и социального контекста ХПД; 3) обозначить результат трансфера юридического знания в художественный нарратив в аспекте социокультурного направления лингвистического исследования на примере англоязычного романа И. Макьюэн «Закон о детях».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассматривая художественно-правовой гибридный дискурс на уровне отдельного социума, мы придерживаемся точки зрения В. Е. Чернявской о том, что «... дискурс может быть представлен как корпус текстов. Содержание (тема) дискурса раскрывается не одним текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов...» [7, с. 83–93]. Как следствие, теоретически существует некоторое когерентное текстовое пространство романной прозы юридической тематики, формирующее тождественные смыслы. Одной из особенностей концептуального анализа подобного жанра является трансфер юридического знания в художественный текст, предполагающее исследование того, каким образом юридическое знание «вплетается» в канву художественного произведения. Основная проза о представителях судебной власти, их функциях и обязанностях в судопроизводстве, процедуре и особенностях судебного процесса существует в форме нарратива.

Под нарративом в широком смысле слова понимается повествование, хроника о событиях с определенной долей интерпретации транслируемой информации: «narrative, of course, combines the recounting of events (a mere chronicle) with interpretation of those events» [10, с. 2]. Нарратив в транстекстовом художественно-правовом дискурсе занимает центральные позиции: «... narrative is central to all legal processes and the many different kinds of legal story interwoven with each other to form the grand fabric of the law» [10, с. 2]. В социуме нарративу приписываются функции установления позиции доминирования («a resource for dominating others»), передачи оппозиционных политических взглядов («for resistance and conflict»), выражения солидарности (expressing solidarity) и др. [8, с. 161]. Функционал нарратива художественно-правового дискурса следует рассматривать с различных точек зрения. В аспекте прагматического подхода, по следам работ Ф. Анкерсмита, предметом исследования которого является «идеальный нарратив», данная форма повествования является «надежным руководством в наших действиях», призванным «облегчить нам ориентацию в мире» [1, с. 55]. В рамках интеракционистского подхода исследователи признают, что структура повествования в нарративе отражает социальные действия, а также то, каким образом аудитория вовлекается в процесс восприятия: «... the structure of stories reflects the fact that stories perform social actions and how audiences are involved...» [14, с. 167–203]. По замечаниям профессора К. Риесман, нарративное повествование социально интерактивно, стратегически

направлено и эффективно: «... narrating has effects in social interaction that other modes of communication do not... narratives are strategic, functional, and purposeful...» [13, с. 20]. Эпистемологический подход к нарративу определяет его как способ познания и восприятия реальности: «as a mode of thought and apprehension of reality» [8, с. 159]. В рамках логического подхода нарратив объективируется как своего рода аргументация, по замечаниям Ф. Анкерсмита, отождествляемая с логической структурой, и «эта логическая структура представлена хорошо известной “моделью охватывающих законов”» [1, с. 61]. Следовательно, прагматической основой нарратива следует считать его объяснительную функцию. Обобщая представленные точки зрения, подчеркнем, что нарратив – коммуникативный социально ориентированный формат, который становится «фактором выдвижения определенного смысла», при этом «выдвижение» осуществляется непосредственно им самим, а не репертуаром используемых языковых средств [5, с. 83–97]. Посредством реализации вышеуказанных прагматических установок нарратив художественно-правового дискурса транслирует знание о закрытой правовой сфере в широкие общественные круги.

Принимая во внимание актуальность интерпретационного потенциала нарратива художественно-правового дискурса, в нашем исследовании мы используем понятие «нарративная модель ХПД», репрезентирующая субъективированный взгляд автора (оратора) на описываемую «реальность». Основанием для выделения данной структуры дискурса послужили исследования Т. ван Дейка, утверждающего факт существования «ментальной модели», лежащей в основе «контекстуальной модели» на уровне прагматики (context model), которую ученый противопоставляет «событийной модели» на уровне семантики (event model), выявляя основание для их разграничения – релевантность описываемых фактов: «...pragmatic context models control what of our semantic event models is now relevant to express (or presuppose) in text or talk. Finally context models especially control all options of language and discourse variation that are relevant in this situation...» [16, с. 17]. Особым образом, на наш взгляд, аккумулируются в нарративной модели социальное и личное, общее и специальное знание (по типологии Т. ван Дейка). По замечаниям П. С. Пороховщикова, когда рассматривается какое-то судебное дело, общество «стремится выяснить, какъ, почему, по какимъ побужденіямъ» было совершено преступление или возник диспут и, следовательно, заведено судебное разбирательство. Служители же закона стремятся изучить «самое „дѣяніе“»; они всецело погружаются в технические детали дела, представляя юридическую «анатомію дѣянія» [6, с. 146]. В нарративной модели сосуществуют следы мировосприятия автора (оратора), а также результат интерпретации реальных судебных дел глазами профессионалов-юристов, который в романном жанре юридической тематики зачастую достигается исследовательским путем и предполагает сбор информации посредством интервьюирования людей, непосредственно задействованных в судопроизводстве. «Интонирование» или нарративизация описываемых событий осуществляется с помощью стиливых приемов, «пластически-живописных характеристик» художественно-эстетического творчества, которые «переводят действие в другой план, в другой ценностный контекст...» [2, с. 7, 42]. Как следствие, нарративная модель ХПД представляет собой

гетерогенный текстовый конструкт, в основе которого лежит правовая «событийная модель», моделируемая в художественной картине мира на основании релевантных сведений и «интонированная» автором. Трансфер юридического знания в художественный нарратив позволяет выявить возможности передачи специального знания через общее, социального – через личное, и, наоборот. Социальная интерактивность транслируемого знания обусловлена его прагматическими установками – рассказать, повлиять, сформировать мировоззрение, вызвать дискуссию и др. Таким образом, опора на социокультурную практику нарратива в «перемещении» смысла между двумя полярными областями знания представляет собой один из возможных подходов в исследовании смысловых трансформаций в гибридном тексте.

Трансфер юридического знания в художественный текст как социокультурная практика задействует оба контекста – социальный (социокультурное пространство, в котором создано произведение) и вербальный как инструмент текстуализации первого. По мнению А. Данто, свойства нарратива выявляются за счет изучения «нарративных предложений» [3, с. 204]. Ф. Анкерсмит вводит понятие «содержание нарратива», и, по мнению ученого, оно «не может быть сведено к содержанию отдельных предложений» [1, с. 94]. На наш взгляд, изучение «нарративных предложений» через призму социокультурной практики трансфера юридического знания в художественный текст требует осмысления как непосредственно механизмов, приемов и средств трансфера знания на уровне языковых единиц, так и исследования особенностей концептуализации философского, культурологического и другого междисциплинарного знания, задействованного в формировании смысла.

Данное исследование выполнено в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Методы исследования, которыми мы пользуемся для изучения вербального контекста, включают структурно-семантический метод, метод контекстуального анализа, метод сплошной выборки, концептуальный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ. Структурно-семантический метод в теории трансфера знания как социокультурной практики позволяет выявить особенности синтаксической организации предложения, морфологические признаки языковых единиц, и в рамках семасиологического направления мы обращаемся к компонентному и дефиниционному анализу слова. Метод контекстуального анализа находит применение в настоящем исследовании на том основании, что функционально-семантическая специфика единиц гибридного дискурса исследуется в тесной связи с конситуацией языковой единицы и в теории трансфера знания способствует выявлению новых смыслов социально значимых ситуаций. Метод сплошной выборки позволяет выявить актуальные контексты гибридного дискурса. Концептуальный анализ дает возможность обобщить результаты проведенных наблюдений с точки зрения различных аспектов (социологического, культурологического, философского) и завершить задачи описания как семантики языковой формы репрезентанта гибридного контекста, так и сформулировать положения о социально значимых явлениях юридической тематики и возможных трансформациях, нашедших отражение в романной прозе Англии. Социальный контекст гибридного формата дискурса исследуется в нашей работе с позиций

сравнительно-сопоставительного метода, позволяющего обратиться к реальным фактам событий, лежащих в основе отдельно взятого романа ХПД.

Материалом для настоящего исследования выступает англоязычный роман британского писателя И. Макьюэн «Закон о детях». Тематическим ядром произведения являются морально-этические вопросы семейного права, этико-религиозные разногласия между представителями разных конфессий и персонифицированные морально-психологические искания судьи Фионы Мей, касающиеся вопросов права, личности и общества, воспитания детей, жизни и смерти. Одним из ключевых концептов романа является «благополучие ребенка». Через призму персонифицированной модели поведения, включающей речевой портрет судьи, репрезентацию профессионально значимых характеристик, коммуникативную составляющую поведения в судебном процессе и повседневном общении, посредством несобственно прямой речи, авторского комментария и др. в произведении транслируется знание об особенностях концептуализации феноменов правовой сферы, отражающих социально значимые ценности в воспитании и развитии полноценной личности.

Ф. Анкерсмит приходит к умозаключению, что в текстовом анализе нарратива следует различать четыре компонента: во-первых, поверхностную структуру текста (непосредственно нарратив); во-вторых, глубинную структуру («семантическое ядро» нарратива); в-третьих, правила трансформации текста (опущение или добавление некоторых деталей); в-четвертых, грамматику текста [1, с. 94]. Модифицируя данную структуру относительно нарративной модели ХПД, отметим, что в качестве пятого компонента «схемы» мы предлагаем рассматривать «реальное событие правовой сферы, лежащее в основе создания нарратива», репрезентированное в тексте языковыми маркерами юридического дискурса. В основу написания одноименного романа И. Макьюэн лег Закон о детях 1989 о правах, свободах и благополучии ребенка в Соединенном Королевстве Великобритании.

Обратимся к иллюстрациям того, как социально значимые черты объективируются в нарративе художественно-правового дискурса в рамках предложенной нарративной модели ХПД.

В Законе о детях 1989 года указано следующее положение: «*When a court determines any question with respect to ... the upbringing of a child ... the **child's welfare shall be the court's paramount consideration***» [15, с. 2]. Данное положение взято автором И. Макьюэн в качестве эпиграфа к своей книге. В романе «высвечиваются» конкретные задачи суда в обеспечении благополучия подростка Адама Генри, а именно: 1. забрать ребенка у недобросовестного родителя в случае необходимости: «*She had the power to remove a child from an unkind parent and she sometimes did*» [11, с. 6]; 2. «суд в интересах детей должен выбрать между полным соблюдением религиозных предписаний и чем-то менее строгим, а также между всем тем, что касается культуры, социальной принадлежности, менталитета, устремлений, характера семейных отношений, основополагающих принципов и пока неизвестного будущего»: «*The court must choose, on behalf of the children, between total religion and something a little less. Between cultures, identities, states of mind, aspirations, sets of family relations, fundamental definitions, basic loyalties, unknowable futures*» [4, с. 22; 11, с. 13];

3. суд должен учитывать все составляющие социокультурного понятия «благополучие» – все то, что важно для развития личности подростка: «*She followed Lord Hailsham in allowing the term to be inseparable from well-being and to include all that was relevant to a child's development as a person... Economic and moral freedom, virtue, compassion and altruism, satisfying work through engagement with demanding tasks, a flourishing network of personal relationships, earning the esteem of others, pursuing larger meanings to one's existence, and having at the center of one's life one or a small number of significant relations defined above all by love*» [11, с. 15]; 4. суд должен предоставить возможность детям по достижении ими совершеннолетия самим выбрать себе жизнь: «*Above all, the duty of the court was to enable the children to come to adulthood and make their own decisions about the sort of life they wanted to lead...*» [11, с. 38]. Заметим, что с определенной долей условности возможно выделить и другие обязанности суда, зафиксированные в романе, – замещать монархов и быть опекунами детей (в 80-е годы), быть аккуратным («*extremely reluctant*») в принятии решений, когда дело касается лечения ребенка, не соотносить свое мнение с конкретной религией и проявлять уважение к вере и др. [11, с. 36, 85, 88]. Однако доминирование выбранных четырех задач в осуществлении «благополучия ребенка» обусловлены на текстовом уровне рядом маркеров. Морфологический показатель прошедшего времени, наряду с семантикой всего предложения (*followed ... to include*), выражает не только совершившееся действие, но и общий принцип прецедента, действующего в системе общего права, и, следовательно, акцентирует совершенство действия как факт закона. Модальность глагольного словосочетания «*must choose*» подчеркивает идею долженствования. Языковой маркер юридического дискурса «*power*» эксплицирует идею авторитарности и легитимности судебной власти Англии, слово «*duty*», руководствуясь дефиницией «*a moral or legal obligation; a responsibility*», – эксплицирует юридическое обязательство или моральный долг. Общая структура «развертывания» существующих задач, стоящих перед судебной инстанцией, перехода к обозначению конкретных деталей (п. 2 и 3), резюмирование сказанного (п. 4 – «*above all*») позволяет заключить о логически завершенном смысловом единстве. Грамматические (в том числе морфологические), семантические явления тесно связаны с поверхностной структурой текста, где поверхностная структура текста определяется линейным порядком предложений в нарративе.

Далее в рамках сравнительно-сопоставительного анализа мы обратимся к формулировкам, связанным с благополучием ребенка, в Законе о детях 1989 года.

В ч. 1 п. 1 о благополучии ребенка как «о первостепенной заботе суда» закон гласит следующее: «... *a court shall have regard in particular to –*

(a) *the ascertainable wishes and feelings of the child concerned (considered in the light of his age and understanding);*

(b) *his physical, emotional and educational needs; ...*

(d) *his age, sex, background and any characteristics of his which the court considers relevant;*

(e) *any harm which he has suffered or is at risk of suffering;*

(f) *how capable each of his parents, ... is of meeting his needs ...»* [15, с. 2].

Желания ребенка и его потребности («wishes», «needs») в п. (a) и (b) обозначены в романе в судебном решении судьи Мей суммарно – «interests»: «*"The welfare of the child therefore dominates my decision... I take 'welfare' to encompass 'well-being' and 'interests'..."*» [11, с. 121–122]. В сопоставлении с репрезентацией в реальном законе, и руководствуясь вышеизложенным, обозначим, что в нарративе подробно представлены «физические, психологические и образовательные потребности». К физическим следует отнести экономическую свободу («*economic freedom*»), к психологическим – нравственную свободу, добродетель, способность к состраданию и альтруизм, живой круг общения, уважение окружающих, стремление придать жизни высокий смысл («*moral freedom, virtue, compassion and altruism, a flourishing network of personal relationships, earning the esteem of others, pursuing larger meanings to one's existence*»), к образовательным – решение серьезных задач, приносящее удовлетворение («*satisfying work through engagement with demanding tasks*»). По мнению судьи Мей, в художественной картине мире доминантой в социальном развитии ребенка становится психологическая составляющая. При перечислении необходимых «ингредиентов» («*ingredients*») успешного развития личности важная роль в процессе целеполагания принадлежит родителям – «*goals toward which a child might grow*».

История Адама («*background*») при рассмотрении судебного дела в романе объективируются в тесной связи с жизнью его родителей, прошедшей несколько этапов становления, и их общего семейного быта: «*The Henrys had married young, at nineteen, seventeen years ago. The early years, when Kevin was employed as a laborer, were hard. He was "a bit of a wild man," drank too much, was abusive to his wife, Naomi... Deliverance came in the form of two polite young men from America who doorstepped Naomi one afternoon... and then Bible study, which they found hard at first slowly, order and peace came into their lives. Kevin and Naomi began to live in the truth... they had lived in the truth and raised Adam in the truth within the close, supportive network of their Witness friends...*» [11, с. 73–74]. Религиозные верования родителей – представителей религиозной организации «Свидетели Иеговы» – оказываются «сетью» («*network*») для их ребенка, внутри которой ему транслируется определенное знание о мире, и формируется мировоззрение. Погрузиться в дальнейшие технические детали судебного дела Фионе Мей позволяют конкретные стратегии (кооперации и давления) и тактики (апелляция к чувствам подопечного, допрос, дискредитация религии) речевого воздействия, представленные определенным репертуаром языковых средств, стилистических и психолингвистических приемов. Обращение к личной жизни подопечного становится социально значимым профессиональным навыком служащих закона, которым в судопроизводстве приписана функция модераторов будущего детей. В настоящем контексте эксплицируется знание о том, что воспитание и развитие ребенка – результат семейного быта, условий жизни, характера ошибок его воспитателя.

Судья в романе, помимо своей первостепенной задачи принять единственно верное судебное решение, выполняет функцию медиатора – она сама едет в больницу к Адаму Генри, чтобы познакомиться с мальчиком и выяснить обстоятельства дела во внесудебном порядке. Она отмечает важную составляющую личности

подопечного – высокий интеллект: «*His manner, his humor, had an element of the silliness that can accompany high intelligence*» [11, с. 105]; она считает его исключительным ребенком: «*He is without doubt an exceptional child. I might even say, as one of the nurses did this evening, that he is a lovely boy, and I'm sure his parents would agree. He possesses exceptional insight for a seventeen year old*» [11, с. 121]. Проницательность судьи впоследствии позволяет ей принять следующее решение: «*In short, I find that A, his parents and the elders of the church have made a decision which is hostile to A's welfare, which is this court's paramount consideration...*» [11, с. 123]. В слове «*hostile*», согласно дефиниции в словаре АБВУ Lingvo 6, Collins Cobuild, – 1. *hostile situations and conditions make it difficult for you to achieve something*; 2. *aggressive*, – выявлена интерференция прямого враждебного действия со стороны родителей и служителей церкви в возможные достижения подростка.

Помимо того, что судья в художественной картине мира действует со «скрупулезностью физика-ядерщика», она способна в сжатые сроки аккумулировать информацию, выработать стратегию и подвести итог. Действуя согласно закону (ч. 1 п. 1) в том, что «*...the court shall have regard to the general principle that any delay in determining the question is likely to prejudice the welfare of the child*» [15, с. 2], при открытии судебного заседания Фиона Мей заявляет о чрезмерной важности и неотложности рассматриваемого дела: «*She began. "You're all aware that we are here on a matter of extreme urgency. Time is of the essence. Everyone please bear this in mind and speak briefly and to the point..."*» [11, с. 63]. Деловые и профессиональные качества судьи в целом позволяют четко и рационально структурировать процедуру судебного разбирательства, в том числе в «чеканной речи» «сжато сформулировать суть спора»: «*Among fellow judges, Fiona Maye was praised, even in her absence, for crisp prose, almost ironic, almost warm, and for the compact terms in which she laid out a dispute*» [11, с. 23].

Фокусирование на социально значимых характеристиках концепта «благополучие ребенка» позволяет выявить скрытые фрагменты «внутреннего» портрета судьи – ее ответственность, проницательность, духовность, искренность – и подводит к пониманию того, что ее личное бытие неотделимо от общественного, специальное знание становится частью общего знания. Как отмечает ведущий барристер Д. Панник, «*... the personality and interests of the judge vitally affect the way in which he decides the case, as to style and as to substance...*» – «...личность и интересы судьи самым непосредственным образом влияют на то, какое решение будет принято по делу – и по сути, и по стилю...» [12, с. 26].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование составляющих концепта «благополучие ребенка» в художественной картине мира, отображающей особенности английской системы общего права через призму зафиксированных в реальном законе обязанностей суда, позволяет умозаключить о расширении значений и детализации социального контекста в художественно-правовом дискурсе. Личные впечатления судьи, ее внутренние переживания, ценностные установки и ценностные ориентации в правовой реальности, формирующие художественную модель мира, через практику

нарратива обогащают общественное сознание английского этноса. Они призваны углубить осознание ответственности родителей перед несовершеннолетними детьми, судебной власти – перед обществом, вскрыть причины и последствия «хитросплетений» семейной жизни («*intricacies*»). С определенной долей уверенности мы можем говорить о нарративе художественно-правового дискурса как об «искусно созданном бленде объяснения и интерпретации» [9, с. 1098]. Применение нарративной модели ХПД в аспекте поверхностной, глубинной структуры текста, правил трансформации смыслового содержания и грамматики текста в корреляции с реальным событием юридической сферы, лежащим в основе создания гибридного произведения, способствует осознанию того, что литературное произведение актуализирует «скрытые» составляющие социально значимых концептов и позволяет рассмотреть функционирование правовой системы в таких жизненных условиях, которые максимально приближены к реальным. Социокультурная практика нарратива художественно-правового дискурса позволяет говорить о «перемещении» знания – общего, специального, личного и социального – как неотъемлемой части бытия человека.

Список литературы

1. Анкерсмит, Ф. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков [Текст] / Ф. Анкерсмит. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 421 с.
3. Данто, А. Аналитическая философия истории [Текст] / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 204 с.
4. Макьюэн, И. Закон о детях [Текст] / И. Макьюэн; [пер. с англ. В. Гольшева]. – Москва : Эксмо, 2018. – 256 с.
5. Нефедов, С. Т. Контекст в лингвистическом анализе: прагматическая и дискурсивно-аналитическая перспектива [Текст] / С. Т. Нефедов, В. Е. Чернявская // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2020. – № 63. – С. 83–97.
6. Пороховщиков, П. С. Искусство речи на суде [Текст] / П. С. Пороховщиков. – С.-Петербург : Сенаторская типография, 1910. – 390 с.
7. Чернявская, В. Е. Операционализация контекста в дискурсивном анализе [Текст] / В. Е. Чернявская // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2017. – Т. 9. – Вып. 4. – С. 83–93.
8. De Fina, A. Discourse analysis and narrative [Text] / A. Fina, B. Johnstone // The Handbook of Discourse Analysis. Vol. 1 / Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton, D. Schiffrin. – Wiley Blackwell, 2015. – 952 p.
9. Griffin, L. J. Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology [Text] // The American Journal of Sociology. – Vol. 98. – No. 5 (Mar., 1993). – The University of Chicago Press. – P. 1094–1133.
10. Hanne, M. Narrative and metaphor in the law [Text] / M. Hanne, R. Weisberg. – Cambridge University Press, 2018. – 426 p.
11. Mcewan, I. The Children Act [Text] / I. Mcewan. – London : Vintage Books, – 2014. – 215 p.
12. Pannick, D. Judges [Text] / D. Pannick. – Oxford : New York : Oxford University Press, 1987. – 169 p.

13. Riessman, C. K. Narrative Methods for the Human Sciences [Text] / C. K. Riessman. – Los Angeles : London : New Dely : Singapore : Sage Publications, 2008. – 379 p.
14. Schiffrin, D. Narrative as self-portrait: sociolinguistic constructions of identity [Text] // Language in Society. – Vol. 25. – Issue 2. – 1996. – P. 167–203.
15. The Children Act [Электронный ресурс]. – 1989. – Режим доступа: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. –(Дата обращения: 07.04.21).
16. Van Dijk, T. Text, context and knowledge [Text] / T. Van Dijk. – First draft. Barcelona : Universitat Pompeu Fabra, 2008. – 38 p.

References

1. Ankersmit F. *Narrativnaya Logika. Semanticheskii Analiz Yazyka Istorikov* [Narrative Logics. Semantic Analysis of Historians' Language]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2003. 360 p.
2. Bahtin M. M. *Jestetika Slovesnogo Tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskustvo Publ., 1979. 421 p.
3. Danto A. *Analiticheskaya Filosofiya Istorii* [Analytical Philosophy of History]. Moscow: Ideya-Press Publ., 2002. 204 p.
4. Mak'ujen I. *Zakon o Detyakh* [The Children Act]. Moscow: Jeksmo Publ., 2018. 256 p.
5. Nefedov S. T., Chernyavskaya V. Ye. *Kontekst v Lingvisticheskom Analize: Pragmaticheskaya i Diskursivno-Analiticheskaya Perspektiva* [Context in Linguistic Analysis: Pragmatic and Discourse-Analytical Perspective]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filologiya*, 2020, no 63, pp. 83–97.
6. Porokhovshchikov P. S. *Iskusstvo Rechi na Sude* [The Art of Speech in the Court]. S.-Peterburg: Senatorskaya Tipografiya Publ., 1910. 390 p.
7. Chernyavskaya V. Ye. *Operatsionalizatsiya Konteksta v Diskursivnom Analize* [Context Operationalization in Discourse Analysis]. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i Zarubezhnaya Filologiya*, 2017, vol. 9, no 4, pp. 83–93.
8. De Fina A., Johnston B. Discourse analysis and narrative. *The Handbook of Discourse Analysis*, 2015, vol. 1. 952 p.
9. Griffin L. J. Narrative, Event-Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology. *The American Journal of Sociology*, 1993, vol. 98, no 5, (Mar., 1993), pp. 1094–1133.
10. Hanne M., Weisberg R. *Narrative and metaphor in the law*. Cambridge University Press, 2018. 426 p.
11. Mcewan I. *The Children Act*. London, 2014. 215 p.
12. Pannick D. *Judges*. Oxford, 1987. 169 p.
13. Riessman C. K. *Narrative Methods for the Human Sciences*. Sage Publications, 2008. 379 p.
14. Schiffrin D. Narrative as self-portrait: sociolinguistic constructions of identity. *Language in Society*, vol. 25, no 2, 1996, pp. 167–203.
15. The Children Act. 1989. Available at: https://www.congreso.es/docu/docum/ddocum/dosieres/sleg/legislatura_10/spl_78/pdfs/46.pdf. (accessed 07 April 2021).
16. Van Dijk T. *Text, context and knowledge*. First draft. Barcelona, 2008. 38 p.

LEGAL KNOWLEDGE TRANSFER INTO LITERARY NARRATIVE

AS SOCIO-CULTURAL PRACTICE

(ON ENGLISH NOVEL THE CHILDREN ACT BY I. MCEWAN)

Ryabova I. Yu.

This article examines the content of the concept child welfare in the novel *The Children Act* by the British writer I. McEwan in the process of transferring legal knowledge into literary narrative. The fundamental link in the research is the significance of the functions of the narrative for social purposes, subordinate to the main strategy – to transmit knowledge of the closed legal sphere into the novel genre. The legal knowledge transfer into literary work is studied from the standpoint of sociocultural practice, which has a number of pragmatic goals. The author proposes a comparative approach to the study of the social and verbal context of a hybrid literary-legal discourse on the basis of the Children Act 1989 in the UK. The key component of the concept of “child welfare” is the complex of duties that the court as the highest body of the judiciary performs in order to provide all the necessary conditions for the upbringing and development of a child’s personality. The concept of the study of literary-legal discourse (LLD) through a narrative model of the LLD allows us to trace changes in the content of concepts in the literary picture of the world. The methodological research techniques include a number of methods: structural-semantic method, contextual analysis method, continuous sampling method, conceptual analysis, comparative analysis. In the course of the study, conclusions were drawn about semantic transformations in hybrid discourse and about the actualization of some implicit components of the socially significant concept of “child's well-being”. **Key words:** literary and legal discourse, narrative model of literary and legal discourse, legal knowledge transfer into literary work, hybrid discourse, sociocultural practice, concept.